

Аджуга И. Байрамукова (Карачаево)

«Картины русского быта» В. И. Даля: филологические приоритеты автора

Ключевые слова:
филологические
приоритеты, феноменология,
истолкование.

У раду се разматрају филолошке
преференције В. И. Даља приликом
стварања збирке есеја *Картины русского
быта* и одређује ауторову феноменолошка
и херменеутичка оријентација код
састављања цртица из руске свакодневице.

В. И. Далю принадлежит исключительная роль в истории русской культуры. Неоспоримо значение трудов ученого, его творческих идей, выросших из изучения главной для ученого проблемы – исследования живого русского языка и повседневной жизни русского человека. Это проблема была главной целевой установкой ученого-энциклопедиста.

«Картины русского быта» представляют собой интересный жанр в творческой палитре В. И. Даля. Это группа рассказов, объединенных единством замысла и единым сознательным комплексом лингвистических средств. «Картины русского быта» могут стать атласом для изучения живой русской речи. В статье «Недовесок к статье: Полтора слова о

русском языке», говоря о программных установках для писателей, автор приходит к важным выводам: «... если каждый писатель будет изучать родной язык свой и держаться стихийных его оснований, тогда наконец и слово наше необходимо должно выработаться в этом же духе, из стихийных начал своих, и читатели и писатели поневоле будут уже следовать проложенным путем» (Даль 1898б: 581). Стихия живой русской речи отличает «Картины русского быта», как и многие тексты В. И. Даля.

Как отмечает Г. С. Кнабе, «По второй четверти XIX в. проходит вполне объективный исторический рубеж, разделяющий две эпохи в восприятии бытовой повседневности: до него она мыслилась как сфера чисто эмпирического, узко лич-

Стихи 2011

ного существования, неспособная выразить духовные свойства человека; после него она неуклонно и все яснее осознается как чуткий сейсмограф, регистрирующий свойства и оттенки духовной жизни социальных групп и отдельных личностей» (Кнабе 1985: 263). По мысли Б.М. Энгельгарда, «художник, постигший тайну творческого отображения быта, постиг высшую тайну искусства; отныне его творчеству нет предела, поскольку оно способно передавать индивидуальное в его внутренне необходимой значимости» (Энгельгардт 2005: 125). В.И. Даля мы можем отнести именно к тем художникам слова, которые «постигли тайну» феноменологического изображения русского быта.

Рассмотрим составные элементы заглавия, руководствуясь толкованиями самого В.И. Даля по данным его «Толкового словаря живого великорусского языка».

Картина – живописное изображение, особ. в красках; *устное или письменное живое и яркое изображение*; прекрасный вид природы (Даль 2002, II: 94).

Русский – русак – русский человек, русачка, русская. Лексема «русский» дана в окружении этнохарактеризующих примеров: «*Не стерпело русское сердце, из себя вышел; в драку пошел. Русский ум – задний ум, запоздалый. Русский Бог, авось небось да как нибудь. Русский час, невесть сколько. Русское: сухо, бреди (подымайся) по самое ухо! Русское спасибо. Русская рубаха, мужская, косоворотка; женская, без ворота; противополо. польская, с воротом. С ним по-русски не сговоришь, глуп или*

упрям. Русским счетом, толком, понятным счетом» (Даль 2002, IV: 114).

Быт – бытность; бытѣе, житье, род жизни, обычай и обыкновения (Даль 2002, I: 148). Словарные иллюстрации: «*Быт крестьянский, дворянский; быт домашний, обиход, хозяйство; быт английский, немецкий, быт нынешний и быт минувший*».

Таким образом, заголовок книги указывает на формат яркого живописного описания всех сторон русской жизни. Установка на быт и повседневность русского народа, этнографизм является определяющей для В.И. Даля при создании «Картин русского быта».

Картинность – феноменологическая и герменевтическая установка. Яркость русского слова дает возможность создать картины.

Рассмотрим структуру одного из рассказов, входящих в «Картины русского быта» – «Авсень». Завязка рассказа связана с заголовком текста: «Груша что-то затевает», – сказала одна из трех девок, сошедшихся в *авсень, Васильев или богатый вечер*, на улице» (Даль 1898а: 1). *Авсень* по данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля – «так произносят слово это, известное почти только в *акающих* областях; вероятно *овесень*, первая встреча весны: первый день весны, 1. марта, коим прежде начинался год; *ныне* название это перенесено на Новый год и на Васильев вечер, канун Нового года. В *песнях*: тусень, титусень, туасень, таусель; щедрование или обсев хозяина житом, с пожеланьями; свиная голова к обеду; вечером гаданья» (Даль 2002, I: 4). Автор описывает фон текста: «Трескучий мороз донимал их порядочно сквозь башмачки с чулочками

и ситцевые юбочки, хотя они и кутались под самый нос и уши куценькими штофными шубейками, с красивыми, нашитыми на тесьму сборками по заду лифа» (Даль 1898а: 1). Для обобщенной характеристики повсеместного празднования авсенья автор переключает внимание читателя на крестьянскую избу: «Между тем в просторной и чистой избе большого села, или посада, три дочери хозяйские готовили все для приема гостей и *святчного гадания*. Стали сходиться девушки, обращаясь с обычными приветствиями и пожеланиями к хозяевам, а затем со смешками и шушуканьем к дочерям их, одетым в шелковые сарафаны, со сборчатыми, напускными шейными рукавами, и убравшим приглаженные головы свои поднизями, а косы лентами...» (Даль 1898а: 2). Автор мастерски описывает таинство вечера: «Только по плутовской улыбке иного из них можно было знать, что он встретил тут, в числе подружек, ту, которую надеялся увидеть; а когда стали садиться для *гадания* вкруг бранного стола, то наша быстроглазенькая, перемигнувшись с рослою подругою своею, сказала одному молодцу: «Чего ты, сердечный, оглядываешься? *Груши* нетути». – И это была первая шутка, сделавшая переход от чинности к веселью» (Даль 1898а: 2). Следует описание процесса гадания: «Собрали кольца, перстеньки, сережки, один снял и подал ключ с пояса, другой шутник гребенку, – и все это вместе с ломтиками хлеба положили в чашку, покрыли ширинкой и, спев чинно песню хлебу и соли, принялись за подблюдные песни, вынимали из-под них ширинки, поочередно, что кому приходилось, и пророчили будущее, большею честью с намеками на настоящее...» (Даль 1898а: 2–3). Далее автор описывает гадание Груши: «Едва пере-

водя дух, она осторожно притворила за собою двери передбанника, вошла в баню – мороз пробежал у нее по хребту [...] Груша со страхом *перекрестилась*, оглянулась, зажгла обе свечи, расставила их по обе стороны зеркала, взяла лежавшие в углу на лавке мешок и осторожно положила его поближе к столу. По голосу, который при этом случае раздался внезапно из мешка, надобно было догадываться, что в нем сидит петух. Она села за стол, вздрогнула, нечаянно увидав себя в зеркале, сложила на груди ладони, тяжело, но тихо вздохнула, и, *взяв с решимостью нож, очертилась им, приговаривая трижды*: «Суженый-ряженный, приходи ко мне ужинать!...» ...» (Даль 1898а: 3–4). После этих действий к Груше является суженый, одаривает ее подарками, уговаривает ехать с ним: «Она знала также, что если осенить украдкой *крестным знаменем* каждый подарок, то он оставался при ней, после того как суженый пропадал; но Груша не решилась на это, потому что считала *грехом* и что, сверх того, по рассказу одной знающей старушки, все вещи эти бывают краденые, и хозяева легко могли бы опознать на ней свое добро. *Ей хотелось только испытать ворожбу и гаданье это, увидеть своего суженого и уйти*» (Даль 1898а: 7). Слова крест и его однокоренные слова сопровождают весь текст, являясь своего рода ограничителем действий Груши наряду со словом грех. Суженый Груши едва не увозит ее, спасает крик петуха – исчезает суженый, сани и кони. Автор передает ужас Груши следующими характеристиками: «Долго она плутала в холодную и темную ночь эту, накануне Нового года; она сама постепенно остывала, *крестилась, молилась и готовилась на смерть*. [...] Тихо вошла она в избу, бросилась на пол перед образами и долго с плачем *молилась*. Тут же

подняли ее утром: она шесть недель пролежала в горячке» (Даль 1898а: 9). Лингвистически и этнографически выверенный текст В. И. Даля демонстрирует обряд ворожбы и гадания, а также последствия для верующего человека. Концепты религиозного содержания сопровождают весь текст.

Типы текстов, входящих в «Картины русского быта»:

260

- 1) текст, связанный с русской обрядностью («Авсень»);
- 2) тексты с ярко выраженным семейно-нравственным содержанием («Сын», «Отцовский суд», «Благотельницы»);
- 3) тексты, повествующие о человеческих безрассудных поступках, пороках («Старина», «Чудачество», «Ворожейка»);
- 4) текст, главной темой которого является тема маленького человека («Подкидыш»);
- 5) тексты, посвященные раскрытию обмана, мошенничества, несовершенству правосудия («Хлебное дельце», «Отвод», «Неправедно нажитое»);
- 6) текст, раскрывающий истоки формирования преступного мира («Подполье»);
- 7) текст, содержащий интересные сюжетные зарисовки («Рукавички»);
- 8) тексты, посвященные русской ментальности («Русский мужик», «О котах и козле», «Об очках»);
- 9) текст с заголовком «Очерк» («Два лейтенанта»).

По мере прочтения «Картин русского быта» в сознании читателя выстраивается «Энциклопедия русской жизни»,

переданная через картины жизни. Общая амальгама картин даёт понятие о русском человеке.

Тексты с ярко выраженным семейно-нравственным содержанием

Группа картин основана на обыгрывании пословиц и понятий, характеризующих семейные отношения, примерах. Так, в картине «Сын» начало текста содержит народные эссенции: «Жена по мужу плачет – поводок шумит; сестра по брату – мелким дождичком; мать по сыну – тихой росой, да день за день, утренней и вечерней зарей; нет родимого дружка супротив родной матушки; матерня молитва со дна моря вынимает. Отцовское благословление напутствует умом-разумом, а матернее – душу в сердце влагает. Но и гнев оскорбленной матери страшен: отцовское проклятие коренит (искореняет), а матернее сушит; весь свет пройдешь, а от него не уйдешь; в могиле от него не скроешься, и на том свете оно тебе отзовется» (Даль 1898 а: 10). С начала автор пишет о силе родительской любви и благословения, но и предупреждает о противоположных родительских чувствах. С помощью примеров автор наглядно изображает мораль народных выражений. Первый пример связан с Андреем, попрекнутым матерью хлебом и выгнанным из дома. Бог наказывает Андрея за это: он никак не может насытиться ни водой, ни едой. Андрей начинает ходить по дворам в поисках еды и воды, люди стали отказывать ему в хлебе и воде: «Тогда только Андрей наш спохватился матери; тогда он принялся за нею причитывать и чествовать ее родною и родимою, кормилицей, и всеми ласками, какие со страху мог прибрать; да нет ее; никто ее не видал, никто не знал и не слышал, куда она девалась...» (Даль

1898 а: 14). Автор описывает дальнейшую судьбу Андрея следующими художественными красками: «Андрей ходил так до старости, и все люди гоняли его от себя, как гоняют чужую собаку, потому что он оставался равно ненасытным, хоть суй ему за щеку монастырскую ковригу, хоть не давай ничего. Люди привыкли к этому, **приложили ему прозвище** *ненасыти*, ненасытной утробы, и девки, идучи по воду, отгоняли его от себя хворостиной, потому что не могли напасть и наносить на него воды. Он ел все, что ни попадалось ему на улицах под ноги: солому, отопки, навоз, и пил по целым суткам в припадку из луж и водоямин. Завыванье голоса его раздавалось по ночам, от зари до зари, когда он, истомленный голодом и жаждой, гонимый отовсюду, поносимый всеми, призывал в отчаянии без вести пропавшую мать свою, убаюывая ее всеми известными ласковыми словами» (Даль 1898 а: с. 14).

Ненасыть в Словаре В.И. Даля – насыть, ненажира, обжора, прожора, волчья пасть, яма, голодай, голодуха, алкач, алчник, неутолим, ненаеда; болезнь алчба, когда человек ничем не может утолить голода. Употреб. в прямом знач. о пище, питии; в переносном о корысти, о жажде познания и пр. (Даль 2002, II: 524).

Тексты, повествующие о человеческих безрассудных поступках, пороках

Феноменологическая и герменевтическая составляющая этой группы текстов основана на примерах. Так, в картине *Чужачество* на уровне нескольких примеров автор комментирует феномен чужачества, затрагивая социальные, религиозные истоки чужачества: «Если мы встречаем между людьми высшего и среднего общества чужаков, то, конечно, приписываем

это прихотям, причудам, которые, как известно, являются там только, где есть из чего причудничать, то есть при жизни более или менее роскошной и изобильной. Но к удивлению нашему и отчасти к опровержению этого мнения, мы находим и в самом низшем слое общества чрезвычайно много чужаков, и потому едва ли не должны признать чужачество врожденным свойством человека, выражением свободной воли и независимости, дошедшими до некоторой крайности. Видно, душа не всегда меру знает» (Даль 1898а: 87). *Чужак в СД* – «человек странный, своеобычный, делающий все не по-людски, а по-своему, вопреки общего мнения и обыча» (Даль 2002, IV: 612). Словарная иллюстрация содержит характеристики чужачества: *Чужаки не глядят на то, что-де люди скажут, а делают, что чуют полезным* (Даль 2002, IV: 612).

Личный опыт автора, его знакомства позволяют прийти к выводам в области этого вопроса, запечатлеть свои знания посредством языкотворческой деятельности по созданию этой картины. Текст соткан из примеров, взятых из жизни автора и закономерных сознательных комментариев автора-энциклопедиста. Например: «Я знал одного простого, невзрачного, безграмотного крестьянина, и именно в Оренбургской губернии, который поистине ни в чем не уступал знаменитому до наших времен на весь мир Диогену, который чествуется всеми нами под именем мудреца. Крестьянин этот тем еще бесспорно брал верх над мудрецом греческим, что *жил не тунеядцем, не лежал на боку, а работал; во-вторых, он всех людей оставлял в покое, не бранился с ними, не осмеивал их за то, что они живут не по обычаю, но сам строго держался правил своих...*» (Даль 1898а: 87–88). Автор подробно описывает

организацию жизнедеятельности этого человека: «Он не позволял себе никогда и никакой роскоши, забавы, излишества, лакомства или удовольствия; поэтому он носил только самое необходимое платье, и шапки или шляпы у него не было в заводе; за это его и звали Афоней бесшапочным, и прозвание бесшапочных перешло на его детей. Не будучи вовсе ни ханжой, ни изувером, он был однако же сухоредец, то есть никогда не ел горячего, и питался одним только хлебом и водой...» (Даль 1898а: 88).

Автор говорит о феномене суеверия: «У нас есть люди глупые и до бессмысленности *суеверные*, налагающие проклятие на табак, картофель, на мясо дичи, зайца и проч.; но и этого за Афоней не было; если допытывались у него причины странностей его, то он, пожимая плечами, отвечал, что беды и греха от этого никому нет; а не хочет он того или другого потому, что этого ему не надо» (Даль 1898а: 88). Свой авторский и метафилологический интерес автор приводит в тексте: «*Желательно было бы знать* в подобном случае, что именно может заставить бедного человека, который и без того уже поставлен в ограниченное положение, стеснить и ограничить себя произвольно еще более?» (Даль 1898а: 89). Приводит причины: 1) *суеверие*; 2) *изуверство*; *природное чудачество*; 3) *убеждение разума и сила воли* (там же: 89).

Картина построена на каскаде примеров: «Вот другой *пример*, относящийся, впрочем, кажется, не до разумного убеждения, а до суеверия и чудачества» (Даль 1898а: 89). Следующий пример связан со старцем Василием, который не ел картофель и не признавал табак, мотивируя это следующей притчей: «... надо знать, от чего это поганое зелье уродилось, так тогда и сам поймешь, без меня. Вишь ли,

у царя Ирода была дочь, нечестивая дочь нечестивого отца, – любила она не человека, а пса. Узнавши об этом, царь Ирод приказал их обоих заколоть живых; вот – от кобеля зародился да пошел расти картофель, а от дочери Ирода нечестивого произошел табак, нечестивое зелье» (там же: 90). Другой пример чудачества: «Есть еще в деревнях особый род дурачков, которые бывают толковы по всем статьям, кроме одной: не смей при них выговорить какое-нибудь слово, которого он не терпит, а скажешь, так он либо бранится всякими нечестивыми ругательствами, либо бьет зря, чем ни попало, и при том не разбирая лица, кто бы ни был. Я *знал* одного такого, при котором нельзя было выговорить слово *топор*, и если кому, забывшись, или даже не по незнанию, случалось сделать это, то Макар пускал ему в голову что держал в руках – полено, чашку, нож, все равно [...]» (там же: 91). *Знал* выступает оператором обиходного житейского знания. Автор суммирует свои наблюдения: «В последних двух случаях, я *думаю*, нет никакого сомнения в том, что *это* просто *блажь*, *дурь* или *шалль*, закоренелая от первоначальной повадки. Людям нравится делать безнаказанно то, чего никто другой делать не смеет» (там же: 92).

Текст, главной темой которого является тема маленького человека

Картина «Подкидыш» рисует типичную для русской литературы проблему «маленького» человека. В центре картины находится семья губернского секретаря по счетной части Семена Ивановича, в которой появилась двойня к уже имеющимся семи детям. Семья прибывает в испуге, как теперь она будет кормить еще двоих. Автор рисует портрет Семена Ива-

новича очень зримо: «Сколько он себя помнил, всегда он, либо переводил дух после недавнего несчастья, либо стоял, растопырив все десять пальцев, сраженный неожиданною неудачей, либо не досыпал и не доедал, ожидая неминуемого удара. К этому он до того привык, что *лицо его, раз навсегда, приняло выражение испуга и недоумения*, и так ходил он по праздникам и по будням и с этим же лицом постоянно в восемь часов утра являлся к должности» (Даль 1898а: 71–72). Внимание к лицу обусловлено интересами В. И. Даля в области *физиогномики*.

Далее автор приходит к обобщениям с помощью риторического вопроса: «*Знали ли вы* таких тружеников бумажного производства, или вернее истребления, таких жертв письменного порядка или беспорядка, у которых вся совокупность умственных способностей вместо того, чтоб выходить из головы раструбом наружу, для объема всего, что человека окружает, всего, что доступно уму и чувствам его, принимает вид обратный, с обращением раструба внутрь, а узкой и тесной вершиной наружу, на один только предмет – на лежащую перед очком этим бумажку или счет? [...] Весь мир для них усок в один комочек, в одну засушенку, и во время вдохновения и самого смелого полета воображения он развивается на пространстве графленного листа бумаги» (там же: 72). Как видно из примеров, тексты картин пестрят *прямыми обращениями к читателю*.

Рождение двойни ввело семью в испуг, автор «картины» следующим образом передает чувства Семена Ивановича: «Он не решался приподнять угол заветного лоскута, будто страхась убедиться своими глазами в Божьей милости – как *поселяне наши называют* две довольно противоположные вещи: «детей или

урожай и пожар от грозы» (Даль 1898а: 75). Супруга Анна Алексеевна заставляет подкинуть двойню в какой-нибудь зажиточный дом, ссылаясь на то, что кормить им не на что даже семерых детей, не считая двойни. Семен Иванович берет сначала одного малыша, а приходит уже с двумя детьми. Во время того, как он хотел подкинуть своего сына, одного из близнецов, на крыльцо откупщика, кто-то до него тоже подбросил в этот дом своего младенца. Подоспевший хозяин вместе со сторожем заставил Семена Ивановича забрать подкидышей. Семен Иванович возвращается со своим и с чужим ребенком домой. Анна Алексеевна, придя в себя, говорит: «Перекрестись, да ложись с Богом; ты прав: от Божьего гнева да от Божьей милости не уйдешь. Ложись, говорю тебе, отдохни. Станем сами кормить и тройней» (там же: 84). После этого весь город стремится помочь многодетной семье, также Семен Иванович получает «записочку, с приложением ста рублей и с обещанием присылать ежегодно по столько же, доколе принятый им младенец будет жив, потому что был предназначен зажиточному человеку, а не бедняку, которому и самому есть нечего» (там же: 85). Из жалости благодаря тройне начальник повышает Семена Ивановича до штатного места.

В конце текста автор обращается к читателю: «*Вам грустно стало по прочтении первой половины этого рассказа – не правда ли? А мне едва ли не грустнее стало теперь, когда, для полноты и правдивости, должен прибавить еще несколько слов. Вам бы хотелось видеть теперь картину довольства и порядка в доме и хозяйстве Семена Иваныча после стольких лет горя, нужды и голода? Да, и я бы дал за это дорого. Но этого не было и быть не могло. Не голодали, а жили,*

впрочем, в таком же свинстве и грязи, а хозяйничали бестолковее прежнего. Семен Иванович наперед всего позаботился о платках и шляпках и других тряпках для Анна Алексеевны; она же, со своей стороны, ничего не умела сделать на пользу хозяйства и огромной семьи своей, как отсчитывать мелкие деньги да посылать раз по десяти на день одного из детей своих в лавочку» (Даль 1898а: 86).

Тексты, посвященные раскрытию обмана, мошенничества, несовершенству правосудия

Картины этой группы имеют общую схему построения. Так, картина *Неправедно нажитое* построена по типовой схеме: нравственный вывод автора + свод конкретных жизненных примеров. Текст картины начинается с морализаторской установки: «Потовая копейка человека до века бережет, а *неправедно* нажитое впрок нейдет: как что пришло, так и ушло. Что ни рассуждайте об этом, как ни толкуйте о суеверии – но оно так. Оглянитесь вокруг себя, да сочтите их по перстам, людей этих, и вы скажите: довольно странно – однако же почти так и выходит!» (Даль 1898а: 109). На уровне двух примеров автор подкрепляет свои слова конкретным жизненным материалом. Один человек, разбогатев с помощью азартных игр, купил дом и имение в Москве, стал образцовым семьянином. Но в именины жены в собственном доме проиграл все, что было возможно. На вопрос хозяйки, почему он такой бледный и как закончилась партия, игрок отвечает: «... кончили совсем: Макаровка уже не наша, и дом этот не наш, и за квартиру и за хлеб нам платить нечем: мы нищие в полном смысле этого слова; у меня нет более ни гроша...» (там же: 116).

Таким образом, нравственные установки, которые были выведены автором в начале рассказа, подкрепляются конкретными жизненными иллюстрациями – работает принцип житнетворчества В. И. Даля, обретенный в языкотворческие действия.

Текст, раскрывающий истоки формирования преступного мира («Подполье»)

Картина начинается с прояснения сущности явления, непонятного читателю: «Мы встретили по большой дороге отряд ссыльных, в голове коего шел один *прут*, так называемых строгих или опасных, под особым конвоем. *Прутом* называют одну шеренгу или один порядок, как идут в ряд, где каждый человек примкнут правым плечом, повыше локтя, к железному пруту. Мера эта принимается только против злонамеренных преступников и явно угрожающих побегом» (Даль 1898а: 58). Посредством рассказа спутника автора читатель узнает о судьбе преступника Акима Андреевича Мокрецова. Будучи классным вахтером, Акима Мокрецова обвинили в недостатке леса, забрали дом и навсегда запретили службу. Но Аким не сдался он начал торговать всяким мелким товаром. Находчивость Акима помогла ему встать на ноги и построить дом. Своему знакомому Аким продал, как оказалось, краденый тулуп, Акима начинают обвинять в торговле краденым товаром, но он доказал, что тот злополучный тулуп он просто перекупил. Но купец, настоящий хозяин тулупа и другого товара, украденного из его лавки, непременно хочет посадить в тюрьму Акима, он вместе с помощниками находит подполье Мокрецова, в котором хранился различный товар. Рассказчик раскрывает суть торговли Акима: «Весь

склад этот состоял из приюченного здесь на время украденного в окружных городах и селениях товара» (Даль 1898а: 67). С чувством жалости рассказчик говорит: «Вот источник зажиточности несчастного, которого вы видели на железном пруте, и о котором я вам говорил, что он уже не впервые путешествует по белу свету таким порядком» (там же: 67). После ареста Аким не раз сбежал из-под стражи, он стал заниматься грабежами на дороге в поисках средств для существования. Но его поймали и стали содержать как особенно опасного преступника. Рассказчик заключает: «Теперь остается желать одного: чтоб Акиму Андреевичу не удалось пробраться еще раз на родину свою, иначе он – в этом все уверены – по отчаянному озлоблению людей подобного рода, начнет жечь. Вор хоть стены да крышу покидает; поджигатель – один только пепел» (там же: 70). «Картина русского быта», посвященная Акиму Мокрецову, рисует обстоятельства, приведшие Акима к подобному преступному образу жизни, одна его ошибка потянула за собой череду других, один проступок привел его к множеству других, приведших к острогу. Рассказчик показывает, что суровое отношение людей озлобило Акима.

Текст, содержащий интересные сюжетные зарисовки («Рукавички»)

Картина «Рукавички» основана на изучении автором жизненных ситуаций, которые приводят его к определенным языкотворческим действиям, вызывая необходимость зафиксировать их посредством картины. Начинается картины следующими фразами: «Меня однажды рукавичка так сытно и хорошо, да кстати накормила, что я каждый раз, когда бываю голоден, или когда стол мой слиш-

ком дурен, вспоминаю рукавичку» (Даль 1898а: 105). Сослуживец рассказчика подарил ему вязанные рукавички, одну из которых рассказчик впоследствии случайно обронил зимой на станции, где он хотел поужинать, но «по случаю великого поста, кроме самого дурного хлеба, нет ровно ничего, ни даже пустых щей!» (там же: 105). В это время слуги с господского двора останавливают гостя, спрашивая, не он ли обронил рукавичку и откуда рукавицы у него. Рассказчик говорит, что их подарил ему его товарищ Закраин – оказывается: этот двор принадлежит семейству Закраиных, рассказчика накормили и встретили как родного человека.

Тексты, посвященные русской ментальности

Группа картин, посвященная русскому менталитету, представляет собой подробные лингвоментальные очерки. Картина «Русский мужик» представляет собой трехуровневый пример, с помощью которого автор рисует поведение представителей русского крестьянства. Графически макрокартина «Русский мужик» разбита на три зарисовки, микрокартины. Первая зарисовка рисует взаимоотношение барина с крестьянами, он заставляет их солить даже обрезки зелени и кореньев: «У помещика было заведено, что, кроме сухой и квашеной зелени и кореньев, все обрезки и оборки овощей солились, и солень эта шла для приправы, в людские щи; это привар хороший» (Даль 1898а: 129). Староста пытается внушить помещику, что не нужно заниматься соленьем остатков зелени и кореньев, на что помещик отвечает. Автор мастерски рисует поведение помещика и старосты: «Помещик берет старосту Феклистова за чуб; староста, высокий, здоровый и до-

гадливый мужик, становится на колени, чтобы барину сподручнее было управляться; затем барин раскачивает голову Феклистова во все стороны, слегка, без сердцов, спокойно, и читает ему длинное наставление, какая польза вообще от овощей, как они поддерживают здоровье крестьян, которые без них иногда сидят на одном хлебе [...]» (там же: 130). После этого внушения староста вынужденно соглашается с помещиком, который заставляет его донести эту информацию до остальных крестьян. В конце зарисовки автор говорит: «Что же вы думаете, многие последовали в домашнем хозяйстве этому примеру, убедившись в справедливости советов помещика и в пользе разводки овощей? Ни один; толковали только о том, кабы Господь уродил побольше хлеба; а что будут есть они, коли хлебец не уродится – об этом речи не было» (там же: 132).

Другая зарисовка посвящена религиозным убеждениям крестьян. Начинается она с описания Святой недели: «Сидят во вторник на святой неделе крестьяне с бабами, девками, ребятами, на завалянках; святая была ранняя, только что земля отошла; день тепленький; все в нарядной одежде, а праздновали святую плохо, потому что едва дотянули животы до весны; урожай был довольно скуден; полдеревни ели барский хлеб да барский картофель» (Даль 1898а: 132). Крестьяне рассуждают о том, что сейчас самая хорошая пора сеять и пахать, но на Святой нельзя. Автор заключает: «Таким образом, крестьяне наши просидели на завалянках всю неделю, опоздали посевом, вспоминали круглый год, какая-де на святой пора была для посева!» (там же: 133–134). После того, как хлеб подорожал, крестьяне стали искать средства для существования, кто как мог, многие стали заниматься

продажей дров. У Осипа Мохнаева случилась и другая беда – обнаружилось, что у него лошадь двужилная. Автор приводит в тексте этнографический комментарий: «Двужилная лошадь для русского человека бедовая вещь, вы знаете – а не знаете, так я вам скажу, что коли двужилная лошадь падет у кого на руках, а не дай Бог на дворе, так другою хоть не обзаводись, не напасешься; большая милость, коли только двенадцать лошадей сряду в задние ворота да за околицу вывезешь, а на тринадцатой вся напасть покончится; таки, что не делай, как только новопкупка на двор – так и припасай под нее дровни: гляди, через недельку другую и нет, и растянулась. На двор она в передние ворота, а со двора в задние» (там же: 134–135). Осипу приходится в силу этих фактов продать лошадь и купить на остаток хлебцу, которого ненадолго хватило. Теперь Осип сидит на печи дома.

Третья минизарисовка посвящена характеристикам крестьян, занимающихся различными ремеслами и промыслами. Рассмотрим описание кузнеца: «Есть в деревне этой кузнец; он хлеба почти не сеет, так, малость, только для славы. С мужиков ему поживы немного, этим бы не изворотился – да деревня не совсем в глуши стоит, а нет, нет, да все-таки какой-нибудь проезжий навернется и придет, да поклонится кузнецу, чтоб перетянул шину. Вот ему и хлеб: поработает с полчаса, перекалит шину в одном месте, да, не рубивши, не сваривши, опять наденет, размочив хорошенько обод, либо подсунув в местах в двух похитрее щепочку; проезжий, сколько не бранится, принужден поверить кузнецу, что веку не будет этой шине – и заплатит ему синенькую – либо еще и красненькую; коли шина эта и не дойдет до городу, так уж не станет же тот опять с дороги посылать назад в

деревню, а пошлет в город» (Даль 1898а: 136). На бытийность описываемых вещей указывает слово *есть*. Все описания ремесленников начинаются со слова *есть*. Описание бочара: «*Есть* и бочар; и главное искусство его, на котором он всегда благополучно выезжает – это *замачивать* деревянную посуду: покуда в воде стоит, не течет. На замочке у него все держится и в этом вся сила; обо всякой же неисправной вещи он говорит: «*рассохлась*»; только замочить, так ей веку *не будет*» (там же: 137).

Далее автор описывает ссоры крестьян с помещиком. Так, например, помещик запретил крестьянам держать домашних животных (телят, овец, свиней) в жилой избе, а стал заставлять строить теплые закуты. Крестьяне стали изъяслять свое несогласие. Но барин быстро озвучил, что он не спрашивал согласия. Другой пример столкновения крестьян с барином связан с тем, что «*мужики, протолковав целую зиму между собой о том, что вот-де крещатовским легче, они все на оброке, у них нет барщины, вздумали также идти на оброк*» («Русский мужик», т. 8, с. 137). *Оброк* – «личная, подушная, тягловая или поземельная подать» (Даль 2002, II: 615). Иллюстрации: *Эти крестьяне на оброке, а эти на барщине. Дворовые отпущены на оброк, из оброку. Барщина* – «панщина, работная повинность крестьян владельцу, обязательные работы, противополож. *оброку*; в половниковых имениях зовут ее и *половинщиною*» (Даль 2002, I: 49). Иллюстрации характеризуют тяжелое положение крестьян: «*На барщину иду – на солнышко гляжу: не пора ли домой. Нужда учит, а барщина мучит. Ты мне тошней барщины. Бредет нога по ногу, словно на барщину. На себя работа не барщина. Монастырщина, что барщина*, от бывших монастырских или

экономических крестьян». *Барщинные дни* – «*ведрые, крестьянские ненастные; о произволе барском при нарядах*». Крестьяне объявляют помещику, что «они, так же точно, как и крещатовские, хотят платить по 30 руб. с тягла, а на барщину не хотят» (Даль 1898а: 138). Крестьяне идут к исправнику, чтобы доказать свои права, но он был предупрежден помещиком. Десяток крестьян, настаивающих на оброке, побили в присутствии исправника и помещика, и крестьяне вернулись ни с чем.

Последняя фраза картины указывает на дальнейшее развертывание темы «Русского мужика»: «*Это все была изнанка, а вот погодите, покажу и лицевую сторону*» (Даль 1898а: 141).

Текст с заголовком «Очерк»

Жанр картины «Два лейтенанта» автор определяет как очерк. Автор текста пишет о собственных впечатлениях: «*Из судовых командиров не осталось в памяти моей почти ни одной замечательной личности. Помню одного, командовавшего бригам Ф., крайне доброго и сведущего в своем деле человека, но слабого начальника, без всякой самостоятельности, охотно уклонявшегося от объяснений с бойким и самонадеянным вахтенным лейтенантом, которому стоило только потоптать и покричать громче обычного над капитанским люком, чтобы намекнуть этим о бранчивом расположении своем, и заставить миролюбивого начальника не выходить во всю вахту наверх [...]*» (Даль 1898а: 142). Концепт *память* и его однокоренные слова являются движущими силами для авторского и творческого создания: «*И третьего капитана я припоминаю, как во сне. Это был командир корабля, также добряк, но человек совсем другого разбора. Однажды мич-*

маны пригласили его посмотреть в телескоп на юпитеровых спутников, закрыв наперед стекло глухим медным колпаком; совестно было почтенному старичку признаться, что он ни зги не видит, когда шаловливая молодежь, поочередно заглядывая в телескоп, восхищается виденными чудесами, – и старик покривил душой: не только согласился, что видит юпитеровых спутников, но даже на вопрос сколько их? ответил торопливо: много, очень много, – и описывал вид их самых подробным и забавным образом. Этой потехи прошло теперь более тридцати лет, а *помнится* она живо. Вот как мы *злопамятны!*» (там же: 143). Слова типа *помню* размещены по всему тексту: «*Помню* еще одну замечательную черту этого человека...» (там же: 149).

Метафилологический алгоритм построения очерка мы видим в следующем отрывке текста: «Полнее этих отрывочных воспоминаний возникают по временам в памяти моей очерки лейтенантов. Конечно, седое марево клубится и перед этими *картинами старины*, то застилая их, то путая, искажая и перелицовывая на все лады; но *я пытаюсь собрать в одно целое, что усвоено было одним человеком*, отделив и соединив то, чем был и жил другой; *не знаю, что из этого выйдет*» (Даль 1898а: 143). Установка «собрать в одно единое целое» является герменевтической по сути.

Автор текста последовательно описывает, впоследствии сравнивает и выводит общие черты двух лейтенантов Ивана Васильевича и Федора Ивановича. Очерковые описания лейтенантов основаны на следующих составляющих: 1) портретная характеристика; 2) характеристика речевого поведения; 3) отношения с сослуживцами; 4) характеристика «житейского быта», а также семейного; 5) отношение к

церкви; 6) отношение к морскому уставу; 7) мечты лейтенантов.

После подробного описания героев автор, обращаясь к читателю, переходит к подведению итогов по двум морякам: «Нравы Ивана Васильевича и Федора Ивановича, *как вы видели*, не только были несходны, но почти противоположны; два человека эти, даже как моряки, не подходили друг на друга, хотя каждый из них и был отличный, прекрасный моряк...» (Даль 1898а: 156). Автор выводит то общее, что роднит двух героев очерка: «При всех добрых качествах Федора Ивановича, при всем несходстве его с Иваном Васильевичем, он походил на него, как две капли воды, в том отношении, что и *под ним также не было надежной сваи*, и он носился в утлом челне своем над неразгаданною бездною; носился бессознательно и безотчетно. И в нем *не доставало нравственного основания*; помышления и чувства были хорошо развиты, но ясного сознания о долге человека, о том, что пуще всего он должен хранить в себе, как неискажаемую, неприкосновенную святыню, в нем не было. Любовь и воля его обратились в стремление к насущному, дух подчинился плоти, и далее, чем видит и слышит плоть эта, и сам он не видит, не слышит, не знает и даже не чает ничего: слух и зрение духовные *пригнетены, заморены...*» (там же: 157–158). Как видно из последних строк очерка, опорными для этого текста являются понятия дух и плоть, нравственность. Размышления о борьбе духа и плоти мы находим во всех текстах В. И. Даля. Достаточно вспомнить его статью «Физиогномика», где одной из программных установок является эта проблема.

Таким образом, множество зарисовок, входящих в «Картины русского быта» В. И. Даля воссоздают реальность

русского человека и окружающего его быта. Главной филологической посылкой автора «Картин русского быта» было живое и яркое феноменологическое воплощение реальности русской жизни посредством живого русского языка. Свою непрерывную герменевтическую (истолковательную) деятельность автор

ведет в многочисленных диалогах с читателем, в своих рассуждениях. Отдельным приложением к «Картинам русского быта» можно считать «Толковый словарь живого великорусского языка», с помощью которого достигается адекватное прочтение и уточнение базовых понятий русской жизни.

269

summary

[ADZHUA I. BAIRAMUKOVA]

“Pictures of Russian life” V.I. Dalja: philological priorities of the author

Language of “Pictures of Russian life” V.I. Dalja connects various zones of a reality of an ordinary life and even leaves for its limits. Live Russian speech of “Pictures of Russian life” is the spokesman of the life of the Russian person in all its versatile displays – in a family and public life, in spiritual culture, in the field of national knowledge and a folk art. Russian word “Pictures of Russian life” of V.I. Dalja, keeping for the future generations national consciousness and national memory, expresses a traditional moral both public ideal and orthodox belief. All it testifies that V.I. Dal – writer and the composer of Russian Explanatory dictionary was simultaneously the ethnographer collecting diversified data about a life of Russian people.

“Pictures of Russian life” have reflected specificity of ethnic consciousness and a cultural phenomenon of the Russian person. V.I. Dalja’s picture researches are allocated with completeness of coverage of a material that has been caused applied by it phenomenological and germenevtical by the approach to drawing up of pictures. Accumulative function of “Pictures of Russian life” is shown in concentration and synthesising of diverse life experience. “Pictures of Russian life” store verbal memory of Russian people, “eternal trues” and «not passing values», and also “recipes” of the decision of daily problems.

Библиографический список:

- Даль 1897: **Даль, Владимир. а** Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 8. – Санкт-Петербург, Москва: Издание Товарищества М. О. Вольф. – 306 с.
- Даль 1897: **Даль, Владимир. б** Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. – Санкт-Петербург, Москва: Издание Товарищества М. О. Вольф. – 602 с.
- Даль 2002: **Даль, Владимир.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Москва: Русский язык.
- Кнабе 1985: **Кнабе, Георгий.** Образ бытовой вещи как источник исторического познания // Вещь в искусстве. – М. – С. 200–310.
- Энгельгардт 2005: **Энгельгардт, Борис.** Феноменология и теория словесности. – М.: Новое лит. обозрение. – 464 с.

2011